

ОУИ НБ МГУ №1983

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

О тюремных пересылках, больницах, обысках в камере и об освобождении после первого срока

Куда

Москва А-346
<http://oralhistory.ru/talks/orh-1983>
 ул. 1-ая Напрудная 23, № 121

Кому

Мамаре Вера-Володовне
 Григорьеву

Собеседник

Григорьянц Сергей Иванович

Ведущий

Петров Сергей Геннадьевич

Дата записи

Беседа записана 27 апреля 2016 и опубликована 28 августа 2018.

Введение

Шестая беседа с правозащитником и коллекционером Сергеем Григорьянцем начинается с истории про то, как во время этапирования из Чистопольской тюрьмы в Верхнеуральскую, общаясь с другими заключенными, он понял, что бывают тюрьмы с совершенно разными условиями содержания: от невыносимых и голодных до вполне терпимых. Григорьянц описывает своих сокамерников в разных тюрьмах, порой довольно интересных и колоритных. Однажды, оказавшись в очередной раз в карцере, Григорьянц решает симулировать сумасшествие, чтобы освободиться, и понимает, что человек, изображающий сумасшедшего, сумасшедшим становится. Еще одна история — про попытку давления со стороны специально подсаженного сокамерника, активно провоцировавшего конфликт. По мере завершения срока заключения, вокруг Григорьянца началась «суета»: его начали уговаривать остаться в Верхнеуральске, произошла странная задержка с подготовкой документов на освобождение, но все же заключенный Григорьянц вышел на свободу в срок, и на этом заканчивается шестая беседа.

Сергей Иванович Григорьянц: Ну что ж, в прошлый раз мы закончили на том, что, объявив, в общем, в значительной степени ради собственного спасения голодовку в Казанской пересылке... Месяца через полтора карантин кончился. Всех перевезли назад в Чистополь — ну, меня, по крайней мере. Кого куда. А я голодовки не прекратил. Ну, поскольку не было выполнено мое требование. Я уже знал, что из Владимирской тюрьмы перевели политзаключенных в Чистополь, и требовал, чтобы меня... Чтобы я был в камере политзаключенных, а не уголовной.

Сергей Геннадьевич Петров: А, вот это вот.

С. Г.: Да. Ну это изначально было такое требование. Я узнал это... Собственно говоря, с этого все началось и в Казани. Ну, на самом деле, чего я не понимал, они и не могли выполнить мое требование. Пробовали мне как-то это объяснить, но сами толком этого не понимали. Говорили только: «Ну, у нас камера политзаключенных строгого режима, а вы на усиленном, и мы не имеем права вас туда поместить». Я понял как следует это все гораздо позже. Хотя по «сто девяностой прим»* заключенных было гораздо больше, естественно, чем по семидесятой*, но никаких отдельных лагерей «сто девяностой прим» не было. Лагеря были только для семидесятой. Соответственно, не было и никакой политической тюрьмы для «сто девяностой прим». То есть для усиленного режима. В общем, так или иначе, они со мной побарахтались еще — я все-таки был человеком довольно упорным — месяц или полтора. Толком они сами, вероятно, этого не понимали, и уж тем более не понимал этого я. Вот, а перед этим, как я рассказывал, там уже прямо на меня натравливали моих соседей, то есть и ситуация в уголовных камерах, которая сначала была для меня вот такой спокойной, и мы читали Достоевского, ну, ко времени моей отправки в Казань уже была совсем не такой. И поэтому... Ну и вот поэтому меня отправили в другую тюрьму, чего мне, конечно, не сказали. Просто сказали собираться на этап и голодающего отправили. Ну, у меня хватило ума, как это было, по-моему, дважды, тем не менее во время этапа не голодать. То небольшое, что давали на этап, — то есть хлеб там, какую-то кильку или селедку и немножко сахара, тем не менее есть.

* Статья 190¹ («190-прим») УК РСФСР (1960) — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

** Статья 70 УК РСФСР (1960) — антисоветская агитация и пропаганда.

Этап

С. П.: А существенно отличалось, да, там питание, условия? Можете как-то...

С. Г.: Ну конечно, потому что, пока ты в «столыпине», никакого же трехразового питания нет. Тебе дают всухомятку вот всю дневную порцию хлеба, вот селедку или там какое-то количество килек и немножко сахара.

С. П.: Вот о селедке еще Солженицын пишет. То есть это, значит, получается, что эта традиция сохранилась.

С. Г.: Да, конечно. Вот, ну, надо сказать, что для меня этап оказался в конечном итоге очень полезным, потому что у меня сложность ситуаций, в которые я попадал, нарастала постепенно и довольно многое я узнал в этапе. Меня везли все время теперь уже не в таком общем отсеке, а вот в таком отдельном «двойнике», который в начале столыпинского вагона, ну, еще без особенных сложностей, которые там уже были во время второго моего ареста, без спецконвоя. И для начала я попал... Ну, естественно, как всякий обычный этап, он шел через несколько пересыльных тюрем. Потому что, ну, разных людей везут в разные места... Там довозят до одной пересылки, какое-то время ты там проводишь, потом тебя опять везут до следующей пересылки и так далее. И поэтому этап длится... Это вот, кстати говоря, один из авторов книги о Солженицыне, делающий вид, что он все понимает и разоблачает Солженицына, совершенно

не понимает. Александр Исаевич, ну, нормально пишет, что у него этап длился там я не знаю, полтора месяца. А его биограф его разоблачает: вот опять он лжет, вот достаточно посмотреть на карту — тут за три дня... За три дня бывало, и со мной потом было, но это когда тебя везет спецэтап. Вот, а с нормальными этапами все совсем иначе.

Для начала я попал в один этот «двойник» со здоровенным молодым красивым парнем, который мне сказал (я не помню уже, откуда его везли — из зоны, по-видимому; все-таки, вероятно, не из тюрьмы, как меня), что вот если меня везут в Балашов, я повешусь. И объяснил он мне. В Балашове тоже была, значит, тюрьма, но с настолько более жестким и страшным режимом, что этот молодой здоровый парень считал, что выдержать он этого не может.

” Там днем не то что нельзя было прилечь на койку (что, скажем, в Чистополе вполне разрешалось), но там можно было только или стоять или сидеть, причем даже сидя нельзя было спать. Нельзя было закрывать глаза.

И я из его рассказа тут впервые понял, что тюрьмы бывают совсем разные. Куда меня везут, я не знал по этому самому — может быть, и в Балашов, но моего соседа то ли высадили, то ли пересадили в Свердловске, а меня почему-то охранники называли нтсовцем*. Я впервые понял, что действительно — и потом это было, — что у моих следователей вот было совершенное недоумение относительно меня. Им хотелось меня хоть к чему-нибудь привязать, и, по-видимому, значит, они это написали в сопроводительных бумагах. Этого не мог просто так выдумать...

* От НТС — Народно-трудовой союз российских солидаристов — политическая организация русской эмиграции.

С. П.: Ну, вы же газеты читали зарубежные. Видимо, это?..

С. Г.: Ну да, но у меня не было этого в деле. Понимаете, у меня не было такого обвинения и не было... Ну ничего не было. Да нет, я получал книги, опять-таки от члена НТС, и они это знали, но это же не означало, что я имею к этому какое-то отношение. Это была литература... Неважно.

В Свердловске я попал в камеру общего режима. Ну, поскольку, с одной стороны, конечно, у меня был режим-то всего лишь усиленный, но зато я был из тюрьмы. То есть всех остальных везли в зоны или из зон, а я уже был, так сказать, крытник. И поэтому это было все довольно доброжелательно, очень спокойно. На особом режиме вообще, как правило, внешне люди очень спокойны — уже многое прошедшие. И понимающие, чем они рискуют и кто их соседи. Один из соседей в этой камере оказался очень любопытный такой мошенник, с которым мы много разговаривали и, кажется, тоже играли в шахматы (я, вероятно, там был, ну, недели две, может быть), который занимался тем, что время от времени находил какого-нибудь желающего купить «Волгу», ну, что по тем временам, значит, было мечтой большого количества советских людей, особенно с крупными и иногда не вполне легальными деньгами.

С. П.: А у него была, что ли, эта «Волга»?

С. Г.: Нет. У него не было никакой «Волги». Он был, по-моему, родом, кажется, из Саратова. Не помню. Вот, и его отец был, ну, каким-то, в общем, более-менее крупным начальником. Он, может быть, вначале даже был каким-то комсомольским вождем. В общем, он там всех знал. И это уже была у него, кажется, третья судимость за такие аферы. Он осторожно внушал появившемуся знакомому (сам, значит, жил с очередной женщиной, и их жизнь явно показывала, что человек он обеспеченный и с хорошими связями), что вот он там вот может договориться с председателем райисполкома — и тот подпишет разрешение на продажу «Волги». И он вот так вот потихоньку-потихоньку человека уговаривал и в конечном итоге доводил

до ситуации, когда, ну, вот надо было подъехать к горисполкому. Тот ему вручал деньги. Сам он входил через главный вход, все хорошо зная, и выходил через черный вход. В конце концов его, по-моему, дважды разоблачали. Я ему говорил: «Ну хорошо, ну а зачем вы вот так вот выбираете все один и тот же город, где вас знают?» Он говорил: «Ну я же не могу никакой другой. Здесь я всех знаю. Здесь я могу назвать любую фамилию. Здесь я могу совершенно точно определить в рассказе и его характер, и его возможности. Ни в одном другом городе я этого не знаю».

А я в этой камере расслабился как-то так, может быть. Ну, в общем, так или иначе, я сделал ошибку, которая, к счастью, мне недорого стоила или, точнее даже, ничего, но тем не менее была опасной. Ну, все мы были как бы в хороших отношениях, все мы это самое вот... С кем-то я разговаривал больше, с кем-то меньше, в общем. И, ну, как во всякой уголовной камере, конечно, там был и спрятанный чай. И однажды, когда все сварили очередную кружку чая и все сели в кружок, а чай — полагается так вот кружку передавать по кругу: каждый отхлебывает и передает — мне не хотелось, и я сказал, что да нет... Ну, меня позвали, как это самое, и я сказал: «Да нет, я... Что-то не хочется». И я вдруг увидел, как все насторожились. Если...

Ну, так сказать, по тюремным понятиям и уж тем более особого режима считалось, что, если человек отказывается, значит, у него есть какие-то для этого основания. Основаниями может быть только одно: что он знает, что он не должен быть в кругу. Вот что за ним есть что-то, что ему не позволяет быть в кругу нормальных эков.

С. П.: Ну, а что это может быть? Это то, что пресловутые вот эти вот петухи, то, что называется?

С. Г.: Да. Это может быть человек «опущенный» или может быть человек, который, скажем, где-нибудь назывался вором, и всем известно, что на самом деле он был самозванцем. Ну, в общем, это может быть несколько, но достаточно неприятных вещей, а если ты еще и не говоришь об этом, а вот делаешь вид, что все нормально, то этим ты сильно усугубляешь еще свое положение. И поэтому вот... И это может быть причиной, почему человек отказывается.

С. П.: Понятно.

С. Г.: То, что не хочется пить чай, — вот такой причины быть не может. Ну, тем не менее сказать мне было нечего, и никому нечего, а через несколько дней меня забрали, но это было резко изменившимся отношением. В общем, такой запомнившийся мне урок.

Потом была чудовищная совершенно камера человек на сто общая в Челябинске. Ну, челябинские зоны и тюрьмы — самые отвратительные. Челябинское управление и остается таким. Вот, это была гигантская темная стометровая камера, где было, соответственно, и людей человек сто, где в каком-то углу кого-то били, в каком-то углу кого-то, и он кричал, в другом углу кого-то насильовали, и, в общем, никому не было ни до чего дела, ни до кого дела.

Верхнеуральск

Вот, ну, так меня привезли в Верхнеуральск. Ну и все, естественно, началось с обыска, точнее, со шмона, как это говорится. И я был не один. Привезли в тюрьму (по-видимому, собрали как раз в Челябинской пересылке) человек пятнадцать. Ну, я был самый нищий такой, потому что, ну что, я, значит, еду из другой крытой тюрьмы. Но все остальные-то были из уголовных зон. За нарушение режима содержания, значит, могут дать три года тюрьмы. Ну вот что со мной, собственно говоря, и произошло в Ярославле. Ну, а когда человека отправляют на «крытку» — это его собирает вся зона. Собирают ему вещи, продукты, собирают ему, ну, в общем, все, что могут. Потому что вот если уж у человека... Человек боролся, человек противостоял вот и все понимают разницу между крытой тюрьмой и зоной. И поэтому все были с двумя или тремя вот такими громадными мешками.

С. П.: И это все не отнимают, да? Это считается личные вещи? Или как?

С. Г.: Ну, это вот вы плохо понимаете ситуацию.

С. П.: Я ее, честно говоря, не представляю...

С. Г.: Как раз на этот самый шмон набегало человек десять или пятнадцать охранников. Поочередно вводили людей, и все эти пятнадцать охранников кружились вокруг этого несчастного одного зэка, ну, с криками, иногда даже и без криков, что запрещено, разбирая все те вещи и отбрасывая из мешков все то, что им нравилось. Так они благополучно ограбили моих там человек пятнадцать соседей...

С. П.: А какого рода это вещи были? Ну, что вот там ценится?

С. Г.: Ну, во-первых, это бывает вольная одежда.

С. П.: А ее когда-то можно носить, в какой-то бывает ситуации?..

С. Г.: Нет, ее нельзя носить, но ты же потом будешь освобождаться.

С. П.: А, и это на освобождение.

С. Г.: Да, и ты уже будешь освобождаться с хорошей одеждой. Во-вторых, там, ну конечно, гораздо лучшая зэковская форма — это белье, это в том числе теплое белье, это носки... Ну, в общем, в общем, что можно. Вот. После чего мы попали в камеру, где уже было человек пятнадцать других, уже прибывших в Верхнеуральск, но не распределенных по камерам. Ну, это всегда бывает. Так сказать, некоторое время людей выдерживают и думают, куда сажать, с кем, знакомятся с делами и так далее. Людей сразу не помещают в ту камеру, где он будет находиться. Мне удалось спасти там — ну, по-видимому, на время — какого-то беленького красивого мальчика из Калининграда, поскольку потом я с ним встречался еще раз и поскольку его фамилия была похожа на фамилию одного моего одноклассника в школе — это был Базилевский такой, который, в общем, был и молодой, и растерянный, и очень симпатичный. Его тут же начали травить, его тут же начали... В общем, наверное, это все для него плохо бы кончилось, но в этой камере, ну, в общем, мой голос был и звучал довольно авторитетно, потому что я-то был из крытой тюрьмы. Они-то были из зоны, а я был единственный вот там из этих вот двадцати пяти или тридцати человек уже понимавший, что к чему, и довольно жестко сказавший: «Ну чего вы к нему пристали? Ну, вы попали вот в крытую тюрьму, да еще одну из самых жестких», — а я уже понимал, что Верхнеуральск — это совсем не подарок, и кто-то из охранников мне сказал, что мне невесело придется, на что я ему ответил: «Ну, мне что осталось там год и три месяца», — на что он мне ответил: «Ну, это еще надо прожить». В Верхнеуральске действительно убивали. Это была не просто так сказанная фраза. И тут я довольно жестко сказал этим своим соседям, что чего занимаетесь беспределом — еще неизвестно что, когда вас разведут по камерам, что с вами там будет. Ну и как-то так ситуацию успокоил, хотя, засыпая, сказал ему, чтобы он, лежа где-то там дальше от меня, в случае чего дергал меня за ногу.

Тюремная больница в Верхнеуральске

Ну, для начала как раз все для меня казалось идеальным. Потому что куда попали другие, я не знаю, но меня-то перевели в больницу.

С. П.: Это из-за руки вашей, да?

С. Г.: Нет, после долгой голодовки.

С. П.: А, после голодовки. А голодовку вы возобновили...

С. Г.: Господи, ну что, ну хорошо... Нет, я ее не возобновил, но так или иначе, конечно, я был совершенно истощен, измучен. Голодовка у меня длилась с искусственным питанием, конечно, но все-таки месяца три, наверное, или два с половиной. И этап, и эти пересыльные тюрьмы, в общем, конечно, были не тем местом, где ты приходишь в себя. По-видимому, это у меня было написано на морде. Так или иначе, меня

поместили в больницу, которая была замечательная совершенно. Вообще Верхнеуральск был очень странной тюрьмой. Все тюрьмы в Советском Союзе раз в десять лет меняли свою, как вам сказать, свой характер. Меняли характер. Иногда тюрьмы превращались в психиатрические больницы МВД, иногда становились тюрьмами — меняли режим, но Верхнеуральская была... Ну, во-первых, она была одной из старейших, но, в отличие от других старых тюрем, в которых я бывал, — таких построенных Екатериной, она была необыкновенно чистой, необыкновенно аккуратной, и, когда меня отвели в эту больницу, оказалось, что там поразительно кормят. То есть, скажем, если тебе давали там какие-нибудь пропаренные котлеты, то, кроме замечательного пюре с маслом и так далее, этих котлет вот таких было две. Вот, ну и все остальное было замечательно чисто, замечательно вкусно. И так я дней пять пробыл в больнице.

Запомнились мне там два соседа. Один тем не менее — его фамилии не помню — был какой-то такой плотный, как потом выяснилось, «опущенный» и который пытался там ночью кому-то не разрешить, это самое... Его довольно сильно побили. Второй был Гусейнов, азербайджанец. Мне было очень интересно слушать рассказы. Он мне рассказал одну из своих тюремных историй. Ну, поскольку я вам сказал, что я не очень хочу пересказывать истории такого эротического содержания, я ее, пожалуй, пропущу, хотя она была очень забавная и забавна по неожиданному сочетанию характеров.

С. П.: Ну, вы так заинтриговали...

С. Г.: Он хотя был... Ну, бог с ним. Хотя он был вот с такой азербайджанской фамилией, но, по-видимому, отец у него был какой-то случайный, а так он был из какого-то уральского города, человек, сидевший за убийство, и, когда я его сперва спросил, легко ли убить человека, он мне сказал: «Ну, кошку труднее». А потом прибавил: «Но вот по ночам иногда приходит и садится на кровать».

С. П.: Да...

С. Г.: Тем не менее этому Гусейнову, как потом выяснилось, который был таким парнем, в общем, и симпатичным, и авторитетным, как потом выяснилось, я оказался довольно многим обязан, хотя больше никогда не встречался. Потому что день на пятый пришел, как стало совершенно очевидно, знакомиться со мной начальник тюрьмы. Опять Кузнецов. У меня начальники тюрьмы почему-то постоянно были Кузнецовы. Ну, не всюду, но во многих случаях. Вот, с какой-то своей свитой. Ну и, поскольку перед этим, значит, мы вот были в этой общей камере, а теперь в тюрьме, то есть прошло довольно много времени, и было очевидно, что и от меня должно было прийти письмо домой, и я должен был получить ответ, я начал ему довольно нервно ему говорить: «Почему я опять не получил писем?» Ну, и перед этим я в Чистополе столько времени не получал... То есть в Ярославле не получал писем во время голодовок и потом не получал писем. Ну, в общем, для меня было это самое... На что он мне довольно нагло ответил. А тут еще именно в этот день нам опять принесли вот такие пропаренные, но теперь уже не котлеты, а фрикадельки, но только... Их тоже было две, но они были вдвоем меньше одной котлеты. И я еще спросил: «Следит ли кто-нибудь у вас за поварами? Почему в разные дни такие разные порции?» Ну, в общем, уже на следующее утро я попал в карцер.

Карцер

С. П.: За эти вопросы?

С. Г.: Да, по-видимому, за непочтительные отношения с начальством. Причем все остальные, в общем, молчали. Все, в общем, понимали, что с начальником тюрьмы лучше не спорить. А это была зима 78–79-го года, чудовищно холодная, когда замерзали города, когда лопались всякие... Ну, да еще на Урале. В общем, было градусов сорок пять мороза, и это была старая тюрьма, и меня посадили в самую холодную камеру. Она, по-видимому, была слегка наискось так вот, и крайняя, одна из камер, была уж, наверное, совсем под землей. Не знаю, было ли там ниже нуля или чуть-чуть выше, но я вот в этом трикотажном костюмчике... В камере были какие-то такие черные, в трещинах полы. Не знаю, или из какого-то сорта бетона, или я не знаю, из чего. Для начала мне стали видаться в этих трещинах какие-то хороводы, в которых я сам кружился, но одновременно и видел этот хоровод снаружи. Потом мне где-то показалось,

что я увидел в профиль Анну Андреевну Ахматову. А потом, по-видимому, я уже дошел до такого изнеможения, что решил, что, вот когда с обходом придет врач, я спрячусь под этот железный стол такой вот и буду изображать из себя сумасшедшего. Потому что в психушках все-таки вот белые простыни...

С. П.: И потеплее, наверное.

С. Г.: И одеяла там. Я слышал, как она идет от одной камеры к другой, и уже залез под стол, и вдруг вспомнил, что люди, изображающие из себя сумасшедших, на самом деле — настоящие сумасшедшие. Что это один из симптомов. И заставил себя вылезти из-под этого столика — с таким большим усилием. Но, по-видимому, выглядел тем не менее так — и это было очевидно, — что вот эта вот молодая врач, попавшая в тюрьму из Ленинградского медицинского института по распределению, была в таком ужасе, что спасла меня. Она не могла, конечно, отменить постановление о карцере, но, по-видимому, добилась того, что меня перевели в карцер с другой стороны, который был гораздо теплее.

В камере

Ну, потом пятнадцать суток кончились, и я попал в первую камеру уже непосредственно тюрьмы. Соседей, как я довольно быстро понял, у меня было два. Один... Меня вообще в Верхнеуральске никогда не сажали в общие камеры. Об этом я потом расскажу и объясню, почему. Я всегда был в «тройниках», то есть в маленьких камерах. Один был красивый черноволосый молодой парень, по-видимому, «опущенный» просто от голода. Камеру куда-то вывели — на работу или еще куда-то. Он не смог удержаться и съел общий хлеб. Второй был какой-то провокатор. А у меня началась настоящая дистрофия, причем, ну, в такой уже очень острой форме.

С. П.: А вы все это время продолжали голодать?

С. Г.: Нет, совершенно не продолжал, но соединение последствий голодовки с карцером, да еще таким... У меня так распухли ноги, что при моем тридцать восьмом... Ну, во-первых, я вообще не мог встать на ноги, потому что у меня просто лопнула кожа на подошвах. И ноги были... Если я пользовался чьими-то тапками, то соседскими, при том, что у меня тридцать восьмой, а там у соседа сорок второй или сорок третий. И кожа покрылась такими чешуйками... В таком состоянии были такие умирающие люди во время ленинградской блокады — это, в общем, довольно подробно описано. И вот эта вот полнота, и вот эти чешуйки — у них есть какое-то специальное медицинское название.

С. П.: У Шаламова тоже про это есть, по-моему.

С. Г.: Да, кажется, и у Шаламова где-то есть. Но надо сказать, что администрация меня не оставляла. Ну, во-первых, выяснилось, что это в больнице было такое питание. Что на самом деле это чудовищно голодная тюрьма. Так чисто и аккуратно, как было там с едой, я больше нигде не видел. Но вместо грязной какой-то там похлебки с вареными кильками и еще чем-то, которые были в Матросской тишине, какой-то другой, в общем, довольно темноватой такой смеси, которая была в Чистополе, здесь было все абсолютно прозрачно.

 Это был такой розоватый супчик совершенно идеальной чистоты, где на каждую миску полагался вот такой кусочек картошки. Ну, половинка или четверть картошки средней величины. И это было все.

С. П.: То есть это на день было, так? Или...

С. Г.: Нет, это не было... Это вот был обед. Ну, была еще, конечно, каша, но ее тожекак-то было меньше, чем обычно. В общем, это был... Если я вот описывал Балашов как тюрьму, в которой страшно было по режимному содержанию, то в Верхнеуральске все катастрофы происходили — а их было множество — с одной стороны, от голода, с другой стороны, от режима работы. Это я еще как-нибудь расскажу дальше.

Ну, потом этого моего соседа раза два куда-то начали вызывать, а потом он мне признался, что ему поручили сказать, что мы с ним встречались до моего ареста в Ленинграде и я ему поручал расклеивать листовки, но вот он соглашался, по-моему, даже брал у меня за это деньги, но листовки прямо кучей выбрасывал в мусорный бак.

С. П.: Ничего себе.

С. Г.: И что по моему поручению он продавал какие-то картины в золотых рамах. Про картины он ничего не мог сказать. Просто золотые рамы на него производили впечатление. Ну, в общем, мне ясно показывали, что тихой жизни у меня не будет, но кроме этого начали стучать соседи через стенку — ну, в тюрьмах разговаривают с помощью кружек, — звать меня и объяснять, что вот, конечно, ты человек не из этого мира, но с такими соседями сидеть не надо, что это портит репутацию. Потом выяснилось, что вот благодаря этому Гусейнову, с которым я был в больнице (в тюрьме вся информация распространяется мгновенно), уже в тюрьме точно знали, что вот привезли журналиста, который мог бы, значит, весь свой срок прожить в больнице, а вместо этого жестко противостоит тюремному начальству. И поскольку это уже была все-таки такая очень серьезная тюрьма — гораздо серьезнее, чем Чистополь (в ней было и два вора, и еще кто-то, и еще кто-то), то вот такая репутация меня один или два раза спасала просто.

Ну, вместо того чтобы перевести в другую камеру, как я попросил, меня опять опустили в карцер. В дальнейшем это продолжалось каждый месяц.

С. П.: По пятнадцать дней, да? То есть полмесяца?

С. Г.: По десять дней. По десять дней, потому что они считали, что больше я не выдержу, но каждый месяц десять дней я проводил в карцере. Но, правда, уже не в том, который был первый раз, ну и хотя бы немножко отойдя. Причем я не считал это особенно... Это было забавно: оказывается, есть максимум пребывания человека в карцере. И, когда меня второй раз судили, ну, естественно, характеристика моя была хуже некуда, но количество суток, отсиженных в карцере, они сократили в два раза. Вот, а отсидел я, значит, около сотни дней. Чуть больше.

С. П.: Скажите, а вот вы сказали, что ваша как будто репутация вас спасла пару раз. Вот какие это были случаи?

С. Г.: Ну, это уже дальше. Я до этого дойду точно.

С. П.: Хорошо.

С. Г.: Потому что, ну, во-первых, что было совершенно, конечно, поразительно, ко мне совсем иначе начали относиться некоторые люди из охраны. То есть, например, был такой участник войны, инвалид, работавший в тюрьме (ну, потому что какая работа в Верхнеуральске — микроскопический городок), работавший с отвращением, но каждый раз, когда меня сажали в карцер, он просился дежурить там, хотя, ну, сами понимаете — ну какое удовольствие сидеть в сыром подвале? Но он не просто просился туда дежурить. Он мне отдавал свой завтрак, который ему жена давала на работу. Иногда это было крутое яйцо — впервые вообще за несколько лет, иногда это был бутерброд — частью с мясом, с салом. А однажды он поругался с женой, и она ему не дала завтрак. И тогда он пошел в соседский магазин и купил мне банку килек. То есть я думаю, что он был, в общем, в числе тех людей, которые меня спасли, потому что на самом деле человеческие возможности же далеко не бесконечны.

С. П.: Ну еще бы, да.

С. Г.: А я там уже был очень близок... И он пытался меня предупреждать о каких-то стукачах, которые были в соседних камерах. Он пытался... Однажды я его огорчил и обидел. Ему для поздравления кого-то нужен был стишок. Он меня попросил его сочинить. Я его сочинил, но как-то все-таки слегка стилизовав или как-то слегка используя даже не столько тюремный, сколько, как мне казалось, простонародный словарь. И было видно, как он был огорчен. И сказал мне: «Я не этого хотел».

Но с этим карцером было связано еще одно обстоятельство, которое понимает только человек, который был в тюрьмах. Меня ни разу не вернули в ту камеру, в которой я был до этого.

С. П.: А что это значит?

С. Г.: Это значит, что мне каждый раз, каждый месяц приходилось знакомиться скакими-то новыми людьми, находить с ними общий язык, а в тюрьмах, ну, все-таки люди непростые и ситуации непростые. То есть каждый раз это была какая-то новая. Ну вот так вот. Десять раз новые камеры. Меня никогда не сажали в общие камеры. Не сажали в общие камеры, как не сажали и этих двух воров, потому что в тюрьме были, по-видимому, очень жесткие и строгие нормы выполнения рабочих заданий. А вот в этих маленьких камерах не работали. А в камерах больших (там десять-пятнадцать человек), как правило, была работа. Чаще всего шили перчатки. И было очень важно, чтобы эти производственные нормы выполнялись, с одной стороны, камерами, с другой стороны, тюрьмой, которая явно получала за это какую-то мзду. Ну и поэтому сажать людей, которые бы дестабилизировали положение в рабочей камере начальство не хотело. Потом я слышал рассказы, как выполняется план в этих камерах: что вот у каждого есть своя норма, которую он обязан выполнить, — по видимому, так же, как вот у меня это было первый раз в Чистополе. От этого зависели в том числе и возможности купить продукты, что в Верхнеуральске имело гигантское просто значение. Если в камеру попадал какой-то новый человек, ему говорили, сколько он должен сшить этих варежек. Если первый день он не справлялся, его предупреждали. Если он второй раз не справлялся, его били. На третий день около его места ставили, я не помню, в общем, какую-то палку, что ли. Если он на третий раз не справлялся — ну, были люди, которые неспособны были, — его «опускали». Все это хорошо знали, и это в высшей степени устраивало администрацию. Надо было заботиться о плане.

А я вот так вот менял одну камеру за другой. Причем каждый раз карцер мне объявлялся довольно так, условно говоря, ни за что. А вот так — ну, какой-то мельчайший предлог. Однажды у меня был очень агрессивный сосед. Судя по тому, что он рассказывал, с довольно двусмысленной, но тем не менее вот такой околорововской репутацией. Было более-менее очевидно, что он и с администрацией сотрудничает. И он явно получил задание как-то вот меня задавить. Начал ко мне приставать, начал меня дергать, начал это самое... В общем, конечно, он был гораздо мощнее меня. Там, в общем, ну все было нехорошо.

С. П.: Вы были один на один, да?

С. Г.: Да. Но меня спасло то, что в соседней камере был кто-то из воров. А я уже был настолько опытным человеком, что я знал, что, если возникает какой-то конфликт, человек, живущий в воровском мире, как этот мой сосед, тогда обязан посоветоваться с вором. Поскольку все это было более-менее сфабриковано, да еще по отношению ко мне, то он не хотел советоваться. И я ему все время говорил: «Давай посоветуемся». А он все время избегал. А потом... То есть практически у него был выбор: то ли как-то расправиться со мной для администрации, но при этом точно совершив, с точки зрения воровских понятий, нечто, что ему прощено, что ему забыто не будет. Они никогда ничего не забывают. Всё всегда помнят. И он трусил, и, в общем, ни к чему это не привело. Меня в очередной раз забрали в карцер. Потому что ну вот он точно понимал, что вот у меня репутация человека, с которым борется администрация, и таким образом он становится вместе с ними.

С. П.: А что бы это могло быть? Он мог васкак-то просто избить или что?

С. Г.: Это все могло быть, все что угодно.

С. П.: То есть там реально могли и убить, да?

С. Г.: Ну, не знаю. Ну, убить — вряд ли. Зачем убивать? Тем более что я был еще в таком состоянии, что еще не спать ночами я тоже не мог и как-то караулить там, в общем... Вот. Ну, а так...

А потом я попал... Я опять сделал примерно ту же ошибку, которую в свое время сделал вот на пересылке. Ну, из жалости на этот раз, правда. В очередной раз меня подняли к двум молодым здоровенным парням,

которые совершенно очевидно голодали. Было им лет по девятнадцать — по двадцать. Были они такие двухметровые... А я уже привык, в общем, меньше есть. Ну, до этого я всегда отдавал махорку, потому что, как только я попал в тюрьму, я тут же перестал курить. А тут стал оставлять им кусочек хлеба. И сначала они были очень рады, а потом насторожились. Это как так — человек им отдает просто так хлеб. Наверно, у него какие-то... Насторожились — насторожились. А дня через три я опять попал в карцер. Так что мне было, в общем, все равно.

Вот, ну, так вот, смена за сменой все-таки время шло. И в одну из камер я попал с человеком, который начал мне рассказывать, что до этого он был на Чукотке, что ли, в одном лагере с Амальриком, и тому за три дня до освобождения принесли новое обвинительное заключение. В какой-то другой камере мне еще начали рассказывать, что вот этих двух воров и меня повезут в какую-то еще более страшную тюрьму в Ивано-Франковске, то есть через всю Россию. А мне было все равно. Ну, во-первых, я уже никаких этих самых этапов вообще не боялся и даже не думал — понимал, что если я из двух крытых где-то и окажусь, так остальные начнут еще какие-нибудь вещи мне собирать, чтобы помочь. К крытникам относятся с очень большой и настороженностью (поскольку непонятно, чего от них ждать), ну, и таким почтением. Вот. В общем, и зона меня совершенно не волновала, потому что я понимал, что, ну, даже если будет новый срок — так ну что, ну, это будет обычная зона. Любая зона будет санаторием по сравнению с этой крытой. То есть, в общем, совершенно меня ничто не волновало, хотя они изо всех сил старались. Уже подходило время. Оставалось месяца три. Вдруг приехал какой-то офицер очень быстро из Челябинска, почему-то выстроил и как бы мельком сказал — ну, там, кто куда, что-то такое, какое-то распределение было, ну а те, кто не могут найти общего языка с администрацией, конечно, их мы освобождать не будем, что-то такое. Ну, было совершенно очевидно, что это сказано для меня.

Была какая-то совсем другая и забавная история. Вдруг меня вызвал начальник по, не помню, режиму, что ли. Ну что же, спрашивает, где я собираюсь работать, когда я буду освобождаться. Я сказал: «Ну, шофером, может быть». Я очень любил водить машину. Для меня это было просто наслаждение. Я не понимал, конечно, что у меня будет надзор и вообще выехать за пределы Боровска я не буду иметь права. Он только усмехнулся так, точно понимая... Но зато на следующий день опять меня вызвал и устроил мне свидание с дивной красоты девочкой, которая была (ну, по крайней мере, так она мне сказала) секретарем комсомольской организации или чего-то такого Верхнеуральска и которая начала меня уговаривать, как бы вот было важно, что если бы я остался в Верхнеуральске, как им нужно...

С. П.: Ничего себе.

С. Г.: В общем, совершенно непонятно, что на самом деле они планировали и что... Вокруг меня была какая-то непонятная суэта такая, но кончилось...

С. П.: То есть секретарь комсомольской организации уговаривает заключенного остаться в городе?

С. Г.: Да, да.

С. П.: Это что-то немыслимое.

С. Г.: «Вот нам так нужна культурно-массовая работа, вот у вас такой опыт...» Там, еще что-то. Причем дивной красоты действительно к тому же. Очаровательная совершенно девочка. По-видимому, это тоже имело значение.

С. П.: Ну да.

С. Г.: В общем, непонятно, чем бы это кончилось, но последний раз, когда меня посадили в карцер... Последние месяца два меня не сажали уже. Внезапно в карцер пришел все тот же Кузнецов, как всегда, со свитой, и начал довольно злобно меня спрашивать: «А откуда секретарь Луначарского Сац узнал мой телефон?» Это я ему в карцере мог рассказать. Ну, письма от меня не доходили, и Игорь Александрович (как выяснилось, уже тяжело больной) по своим каналам смог найти действительно секретный телефон начальника тюрьмы и начал ему звонить и выяснять, что со мной происходит. Ну и, по-видимому, спас меня. Потому что вдруг они поняли, что, ну, руки у них не совсем развязаны. Тем более

что Игорь Александрович, кажется, председателем Союза старых большевиков не был, но, в общем, был членом компартии с 17-го года, что-то такое, кроме секретарства у Луначарского, действительно, который был женат на его сестре, Сац-Розенель.

Освобождение

Последнее, что со мной они устроили, опять-таки было... Я никогда не слышал, чтобы с кем-нибудь такое было. Ну, обычно документы на освобождение начинают оформлять там месяца за два. Потихоньку, всякие анкеты, всякие, это самое... Опять-таки фотографируют на справку об освобождении. А меня не вызывают, и никто меня не фотографирует. И за два месяца не фотографируют, и за месяц не фотографируют, и за неделю не фотографируют. Они меня вызвали после отбоя, сами, в общем, найдя для себя ночную работу, в ночь перед освобождением. Уже мама за мной приехала...

С. П.: То есть она, в принципе, уже знала, да, что вот...

С. Г.: Нет, ну у меня кончался срок. Ну что она знала...

С. П.: Просто кончается срок? И не было...

С. Г.: У меня кончается срок. Ничего не было, да. И она за мной приехала. Но, конечно, никому из нас не приходило в голову, что нет даже фотографии на мою справку. Уже в десять был отбой, а в одиннадцать меня вызвали фотографироваться, после отбоя.

С. П.: Это они таким образом...

С. Г.: А в восемь мне освобождаться вообще-то.

С. П.: Еще надо было ее проявить, напечатать...

С. Г.: Ну да, да, вообще писать все это, печати ставить. Ну, тем не менее они меня освободили. Был я, правда, в таком состоянии, что ничего, кроме мешочка с письмами, взять с собой, конечно, не мог, да и этот мешочек отдал маме.

С. П.: Это вот который у вас здесь лежит?

С. Г.: Не знаю. Не думаю. Этот, я думаю, что все-таки чистопольский из второго срока. Это надо посмотреть по письмам. Я не помню просто. Ну, примерно такой же. Вот. Несколько дней мы прожили в гостинице, потому что я, в общем, с трудом ходил. Потом поехали на поезде из Чистополя в Москву...

С. П.: В смысле, из Верхнеуральска?

С. Г.: Из Верхнеуральска я даже не помню, как мы добирались. Может быть, это было...

С. П.: Все равно до Чистополя?

С. Г.: Ой, Челябинска.

С. П.: А, Челябинска.

С. Г.: Челябинска. Я оговорился. Мне хватило ума не брать билет на ближайший день. А может, это нельзя было — я не знаю. Но эти несколько дней в гостинице, в общем, для меня имели довольно большое значение. Ну, а в Москве...

С. П.: А почему, скажите поподробнее?

С. Г.: Ну, потому что я просто очень плохо себя чувствовал: с трудом ходил, с трудом... А так все-таки хоть несколько дней нормально спал, нормально питался.

С. П.: А вот можно еще сейчас спрошу вас: вот вы рассказали про передачу информации с помощью

кружек. Это вот этот старый вот этот способ, описываемый еще революционерами? Как это происходит? Можно об этом?

С. Г.: Ну... На самом деле есть несколько способов. Конечно, вот и с помощью кружек. В более редком случае... Кстати говоря, иногда это бывает и азбука Морзе.

С. П.: То есть есть люди, которые знают азбуку Морзе, то есть должно быть какое-то количество людей...

С. Г.: Но их меньше.

С. П.: А что, там, еще есть какая-то, я знаю, какая-то таблица, да? Какая-то матрица с буквами? Как это устроено вообще?

С. Г.: Нет, ну обычно это просто разговоры по кружке. Ну, кружка используется...

С. П.: А, ну как резонатор.

С. Г.: И как резонатор, да.

С. П.: А, то есть это просто обычная речь передается таким образом через...

С. Г.: Да, просто люди разговаривают... Правда, есть еще более сложный и более противный способ, но тоже часто используемый. Ну, в такой, скажем, тюрьме, как Верхнеуральская, конечно, никаких, там, бумажек на нитках, еще на чем-то, на окнах быть не могло, потому что там все было очень жестко в отношении режима, но, в принципе, можно разговаривать через туалет. Ну, в конце концов, аккуратно вымывают это самое, откачивают воду...

С. П.: Из этого сифона, который там...

С. Г.: Да, а поскольку с соседней камерой он один, то... То есть это и перестукивание, и разговоры... Так или иначе... И, наконец, людей же переводят из камеры в камеру. А в таком более-менее аккуратном, в общем, уголовном мире (а тогда он был более-менее аккуратный) все полагается рассказывать: что ты знаешь о других, что ты слышал, что ты... Вот, почему это мне так помогло — потому что у меня была вполне внятная репутация в тюрьме. Всем было известно, что я есть и что вот такой странный человек. Да, конечно, совершенно не из этого мира. Да, конечно, там вот этого всего не понимающий, но тем не менее с ним борется администрация, а значит... Вот. Так что тюрьма на самом деле место, где почти все и почти обо всех всё знают.

С. П.: Да, это удивительно: вроде бы все отдельно — и при этом информация как-то очень, если судить по вашим рассказам...

С. Г.: Да, абсолютно. Вот. Да и я знал массу вещей о других: мне было очень интересно расспрашивать.

С. П.: Хорошо, Сергей Иванович, спасибо. Давайте тогда мы на этом нашу беседу завершим очередную и будем готовиться к следующей.

С. Г.: Ну, у меня тут вот, поскольку я не знал, где мы ее завершим... По-видимому, я у них действительно вот, в дополнение ко всему, и впрямь вызывал какое-то недоумение. Вот я говорил, что там у меня они написали НТС, что было совершенно неправда, но при этом ведь... Ну, или хотя я потом это расскажу в связи с Москвой.

С. П.: Хорошо, значит, тогда следующая беседа будет посвящена Москве.

С. Г.: Ладно.

С. П.: Московскому вашему возвращению. Это будет, значит, период между...

С. Г.: Ну, это Москва и Боровск. «Бюллетень-В».

С. П.: Хорошо, давайте так и сделаем. Спасибо.

С. Г.: Не за что.